

Спенсер...

Маркус... Спенсер...

...все плохо...

- Надеюсь, что твой член отсохнет, - голос преисполнен ненависти и злости. Я знаю, кому он принадлежит, но не хочу открывать глаза. - Отсохнет... и нахрен отвалится, bastardo.

Я все же открываю глаза. Мария сидит рядом с моей кроватью. На лице - то же, что и в голосе. Те же самые эмоции.

- Еще вчера тебе нравилось, - я смотрю на нее не моргая.

- Никогда... - она выцезживает это сквозь зубы. - Меня тошнило и тянуло блевать каждый раз, когда ты ко мне прикасался. Лучше бы ты сдох сегодня на арене.

И она встала. Встала и вышла из спальни. Отправилась туда, где были все остальные.

Все, кроме Морриса и Эдуара...

Жеральдин ничего мне не сказала, но я все равно читал в ее взгляде обвинение. Она считала, что это я виноват в смерти ее брата... возможно, отчасти она и права.

Дверь снова скрипнула.

- Ты виноват не в том, что не смог их спасти, - теперь голос мисс Флауэрс, - а в том, что заставил их поверить в тебя.

Я решил не отвечать.

- Мы... поминаем Эдуара и Морриса. Ты присоединишься?

Подождав некоторое время, она поняла, что отвечать я не буду.

- Ясно, - и вышла из спальни, оставив меня одного.

Ночью, когда все парни улеглись спать, в комнату пыталась пролезть Мария.

- Бруно, ты же не против?..

- Против, Кармен, - Морфи встал и прикрыл ее прелести халатом, который она любезно перед ним распахнула. - Еще вчера ты скакала на Маркусе, а сегодня весь день таскаешься за мной, а его осыпаешь проклятиями.

Он был почти весь перевязан лоскутами белой ткани, заменяющими в этом мире бинты. Кое-где проступала кровь, но в целом он выглядел неплохо.

- Он стал не нужен, и ты перебежала ко мне? А что завтра? Завтра вырубят меня, всех спасет Крис, и ты у него начнешь отсасывать?

- Не говори ерунды, милый, - она попыталась поцеловать Морфи, но он отстранил ее.

После этого Мария завязала перевязь на халате и гордо покинула спальню, ничего не говоря. Я тут же сделал вид, что сплю.

Когда Бруно лег, и его дыхание стало более глубоким, я медленно вылез из-под одеяла, уже одетый, взял свой меч и тихо, чтобы никого не разбудить, покинул спальню. Но перед этим посмотрел на три пустующие кровати. От осознания того, что две из них больше никогда не будут заняты, у меня защемило в груди, а на глаза чуть было не навернулись слезы.

Третья же пустая кровать принадлежала Джиму.

«А ты чего не спишь?..» - мне даже стало интересно, где пропадает мой закадычный друг... единственный кто после боя не смотрел на меня, как на врага.

Я очень аккуратно плетусь к двери.

Свалить по-тихому не получилось. Спали, как оказывается, не все.

В кресле с книжкой в руках сидит Корделия Престон, лучшая подружка Эбби и самый главный конкурент Джима на звание лучшего ученика школы.

- Куда-то уходишь? - спрашивает она, не отрывая взгляда от книги.

- Джима нет. Начинаю волноваться, - я не смотрю ей в глаза, потому что ее - красные и отечные. Ей нравился Моррис. Я всегда это знал. Как и то, что сам Моррис относился к ней, как к дерьму.

- Джим последние три часа лишается девственности, полагаю, - произносит она с максимально нейтральным голосом. - Сначала они чуть было не развалили кровать в женской спальне, а затем Эбби послала их в отель, сославшись на мисс Флауэрс.

Я был даже рад за Джимми... ему все-таки тоже привалило...

- А твоя подружка весь день окучивала Бруно, если тебе интересно.

- Уэбстер тоже, полагаю, - и я направляю к выходу, чтобы покинуть дом.

- А вот Эбби, кстати, нет... - Корделия перелистнула страницу. - Она частенько поглядывала на спальню. Думаю, хотела пойти, провести тебя...

На мгновение я даже перестал дышать.

- Даже не знаю, что она нашла в таком куске дерьма, как ты, - и она улыбнулась. - Я знала, что недолгим будет твое правление. Лишь дело времени...

А теперь я выхожу, тихо прикрывая за собой дверь.

Ночью улицы гладиаторского городка были практически пустыми, но зато чертовски хорошо освещенными лунным сиянием. Я медленно шел вперед, не задумываясь о том, куда иду. Мне

было в принципе все равно. В кармане – несколько монет, оставшихся от той моей премии, что я получил за убийство носорога, но на шесть дней их бы не хватило. Пару раз переночевать, да несколько раз пожрать. И потом пришлось бы просить милостыню.

Я глубоко вздыхаю и слышу журчание воды.

Тот самый фонтан.

Медленно ковыляю к нему, сажусь на каменный бортик и смотрю на воду, сверкающую в лунном свете.

Замечаю плавающий по водной поверхности платок, чему весьма сильно удивляюсь. Он плывет по дуге как раз в мою сторону. Когда он проплывает совсем близко, я его хватаю.

Помню, что он должен быть измазан соплями Эла, но выглядит он чисто. Вода, наверное, смыла слизь, и я развернул его другой стороной, глядя на рисунок: "M.S."

Удивленно смотрю на вышитые золотыми нитками эти две буквы, эдакий именной вензель.

- Подходит для Маркуса Спенсера, - чешу я голову, понимая, что платок вполне мог принадлежать кому-то с моими инициалами, но вот только как он в итоге достался Элу? Может, он и не Эл вовсе? Может, его имя тоже начинается на М, как у меня, а фамилия на С?

- О, мистер Спенсер!

Голос я узнал.

- Ани...

- Алиме, - напоминает она и присаживается рядом. - Видела сегодняшний бой...

- Ужасно, да?

- Сочувствую.

Я чешу нос и пялюсь под ноги. Немного погода нос снова чешется, и я снова его чешу.

- Почему ты не превратился в того монстра?

- Не смог, - честно признаюсь я. - Я даже не в курсе, как в первый раз это сделал.

Луна светит нам прямо в спины, и потому наши тени, пусть и очень блеклые, находятся прямо перед нами. И моя Тень всю обжимается с тенью Алиме. И она не против. Не вижу, что он там делает, но почему-то кажется, что Он мнет ее грудь.

- Твоя тень... - она тоже заметила это, - она живет своей жизнью?

Я издаю нечто вроде смешка, хотя похоже это на печальный вздох.

- Более приятной, чем у меня.

- Еще вчера твоя жизнь тебя полностью устраивала.

Мой живот предательски урчит.

Я вспоминаю, что не ел с самого утра. Завтрак перед боем... и потом – ни соринки во рту.

- Накормить тебя? – вдруг спрашивает она.

Я обращаю к ней свой взгляд.

- Не бесплатно, - говорит Алиме и улыбается. – Ты поможешь мне наколоть дров.

Пока я учился рубить дрова (это оказалось немного сложнее, чем я себе это представлял), Алиме была занята на кухне. Она не была такой стройной как Мария, или такой фигуристой, как Эбби, да и на лицо ее не особо боги наградили... но вот доброе сердце и такой же добрый взгляд делали ее куда прекраснее многих других. Гораздо прекраснее Марии, которая смотрела на меня с такой злобой на лице, что была похожа скорее на ведьму, чем на победительницу конкурса красоты.

Даже обидно, что я не хотел замечать этого раньше.

Как сильно меняются люди в твоих глазах в зависимости от тех или иных обстоятельств...

- Маркус! – Алиме вышла во двор. Фартук, перевязанный прямо под ее массивными грудями, превращал ее в эдакую хозяйшку, вечно хлопчущую по дому и пекущую вкусные пирожки. – Ужин готов!

Она не привлекала меня, как женщина... точно не после стройной Марии... но все равно... именно сейчас... она была прекрасна.

Я положил топор рядом с большим пеньком, на котором колот дрова, и направился в дом.

На ужин она приготовила картошку с мясом.

Причем, весьма и весьма неплохую.

А с голодухи она и вовсе казалось вкуснейшим блюдом, какое я когда-либо ел.

- Фкуфно! – говорю я, заметив, что она не ест, а внимательно наблюдает за мной.

В ответ она улыбается, но свою картошку почти не трогает.

- Что-то не так? – спрашиваю я, проглотив кусок превосходно приготовленного мяса.

В ее глазах присутствует некий оттенок печали.

- Я не отсюда, - говорит она, снова улыбается, опускает взгляд на стол. – Мы с моим... женихом попали сюда, когда нам было по четырнадцать лет. Через пару лет поженились. К этому времени уже смогли купить себе этот дом...

Она тяжело вздыхает.

- Его убили. На арене.

Я отвожу взгляд, когда она на меня смотрит.

- И ты... так мне его напоминаешь...

Я искренне надеюсь, что она не полезет ко мне в штаны, так как полные девушки... совершенно не в моем вкусе. Даже Розалинд, которая была в принципе стройной, порою казалась мне толстухой. Наверное, это связано с тем, что когда-то я и сам начинал полнеть, в классе шестом, и ребята прозвали меня жиртрестом. Потом я начал усиленно бегать и заниматься физкультурой, и смог-таки сбросить все лишние килограммы... но вот полные девушки меня стали немного... отпугивать. Если еще в трактире, где свет был приглушен, она казалась мне привлекательной, то уже при свете дня, да и сейчас, весь ее лишний вес был прямо-таки на виду.

- Не бойся, - усмехается она. - Я к тебе вовсе не клеюсь. Видела твою подружку, знаю твой вкус. Я ей не ровня. Где она, кстати?

«Пытается отсосать у Бруно», - хочу ответить я, но молчу. Лишь киваю плечами.

- Дома. Спит, наверное.

- А в трактире вам было не до сна... - она не улыбается. Я смотрю на нее, и сейчас она похожа не на добрую хозяйку, а на строгую маму, которая вот-вот начнет читать нравоучения. - Она перебежала к тому качку, который сегодня всех вас спас на Арене?

Я молчу. Пытаюсь продолжать есть. Не хочу об этом говорить.

- Не бойся. Она снова в итоге побежит к тебе.

Я усмехаюсь.

- Откуда такая уверенность?

- Ты снова покажешь себя на Арене... и она тут же начнет вилять перед тобой хвостом. Поверь, я знаю таких девушек.

- А я покажу себя на Арене?

- Конечно, покажешь.

Снова усмехаюсь.

- Я говно, - кладу ложку в тарелку, смотрю ей прямо в глаза. - Слабое ничего не стоящее говно. Слабак. И трус. Первый бой... там даже не я дрался... а моя Тень. Не знаю, что или кто Он такой... но ему в этом мире явно лучше, чем было в нашем. Посмотри на него.

Лицо Алиме вытягивается, когда она смотрит на наши тени. Она даже раскрывает рот от удивления. Мне не нужно смотреть вместе с ней, так как я только что уже это видел. Видел, как на тень от стола мой Тень уложил тень Алиме, и теперь с успехом дрючит ее, как хренов порно-гигант.

- Моя тень... она... - Алиме краснеет и отворачивается. Смотрит на меня. Красная как помидор. - Такое чувство... что меня...

- Это нормально, - говорю я, продолжая есть картошку. - Я к этому еще со школы привык. Он

живет своей жизнью, делает, что хочет. Мне даже удавалось разговаривать с ним. А предки, решив, что я свихнулся, стали водить к мозгоправу. Пришлось делать вид, что я больше этого всего не вижу.

Я улыбаюсь, кладу в рот кусок мяса, жую. Черт, как же вкусно!

Глотаю.

- А теперь хождения моей Тени вижу не только я, но и все вокруг. И, как я понимаю, в этом мире... это тоже не есть норма?

Я смотрю на Алиме и вижу, как она смотрит на пол. Словно зачарованная.

- Они позу сменили, - шепчет она, и я тоже на это смотрю.

- Да, - подтверждаю, и кладу в рот очередную ложку с мясом, глядя на то, как мой Тень имеет мою новую знакомую сзади. И вдруг понимаю, что немного и сам завелся.

- Я тебе помогу, - вдруг говорит она, и я медленно перевожу на нее взгляд. Пытаюсь понять, что она имеет ввиду. - У меня есть знакомый... он... научит тебя драться...

Я хмурюсь. Что-то в ее взгляде меня настораживает. А еще фраза... она как будто не окончена.

- Но? - спрашиваю я.

- ...но тебе будет больно.

Ночь я провел на софе, жесткой, как лавочка в парке.

Всю ночь мне снилось, как меня избивают на Арене. Причем врагами моими являются Мария, Эбби и Жеральдин. Каждая из них пыталась как можно сильнее меня избить деревянными палками, а в конце Мария наносит удар огромными ножницами прямо в мой пах.

Я просыпался, снова засыпал... и сон повторялся почти в точности.

На утро мы с Алиме отправились чуть ли не на самый край гладиаторского городка. Правда, совсем не в сторону той тренировочной площадки, на которой меня отдалел Бруно.

Поход занял примерно минут тридцать, а может и того больше.

И завершился, когда мы с ней остановились у большого, шикарного особняка.

Во дворе стояли деревянные манекены и вкопанные в землю доски с перевязанными веревками верхушками. Различные самодельные тренажеры, очень напоминающие тренажеры с нашего мира, и даже некое подобие тира. Вот только все эти тренажеры либо заросли травой, либо проржавели, либо и вовсе сгнили.

- Раньше у него было много учеников...

Фраза так и сквозила грустью.

- А что случилось?

- Он потерял сына.

Я представил, как он тренировал гладиаторов, одним из которых был его сын. Видимо, не такой уж он и хороший мастер... раз не смог натренировать собственного отпрыска.

- Уверена... что это хорошая идея?

- Лучше его нет никого в этих землях.

Видимо, она собиралась с силами, чтобы войти во двор. Ей тоже было нелегко.

- Как погиб его сын?

«На Арене... на войне... в бою», - я был готов к любому ответу.

- Отравлен на собственной свадьбе, - я удивленно уставился на Алиме, - собственной женой.

<http://tl.rulate.ru/book/7610/143398>